

Пабло НЕРУДА:

МОЙ ДОЛГ — НИЧЕГО НЕ ЗАБЫТЬ

ПАМЯТЬ

Мой долг — ничего не забыть, хранить лоскутки и нитки обносившихся происшествий, метраж былых местожительств, длинный путь поездов и оболочку горя.

Затерялся розовый куст, перепутался кролик с кровлей, короче — рухнула стена памяти — мне придется заново сделать воздух, землю, туман, листву, волосы и кирпичи, занозы от вражеских дубин и суматоху бегства.

Смилуйтесь над поэтом! Сколько я помню себя — я жадно все забывал, в бывших моих ладонях оставался лишь пшик — неощутимые вещи, о коих я мог судить только после пропажи...

Вдруг наплывает запах, запах, похожий на дым, кожа спящего тела, оживленного поцелуем, — не спрашивайте про дату, про имя, которым я грезил, мне этот путь не измерить, он не имеет страны, эта истина преобразилась,

погасла с приходом дня, остался блуждающий свет — ночной зрачок светляка...

ЛАСТОЧКА

Вернулась ласточка ко мне, письмо прозрачное вручила, письмо, написанное ветром и легкой дымкою весны — металась, падала, кружилась, стремительно пронзая время своею бархатною сущью, своею меткостью стрелы.

Уже все знают, что она вернулась к пене побережья, танцует в небесах над морем, как будто это — ее дом, роняя с высоты небесной благоуханное посланье — весть, принесенную нежданно в невидимом конверте — мне.

ЗЕМЛЯ, ЖДИ МЕНЯ!

Солнце, верни мне мой нелюдимый удел, ливень дряхлого леса, верни мне запахи и упавшие с неба шпаги, угловатый покой луга и камня, влагу на речном берегу, дыхание лиственницы и ветер живой, как сердце, трепещущее в хмурым массе большой араукарии. Земля, верни мне девственные дары, башни безмолвия, взмывшие

от величия твоих корней, — снова я хочу быть, кем не был, научиться возвращению из недр, чтобы среди всех видов природы мог жить и не жить — не все ли

равно! — быть еще одним смуглым камешком, голышом, который перекатывает река...

МОРЕ

Одинокое существо, но без крови. Одинокая нежность, как смерть и роза.

Море приходит, спланивает наши жизни, одиноко штормует, делится, поет в ночи, во дне, в человеке, в ребенке. Его сущность, — тепло и холод, — движенье.

КОНЕЦ ПРАЗДНИКА

Сегодня впервые дождит над мартом, над ласточками, пляшущими под дождем.

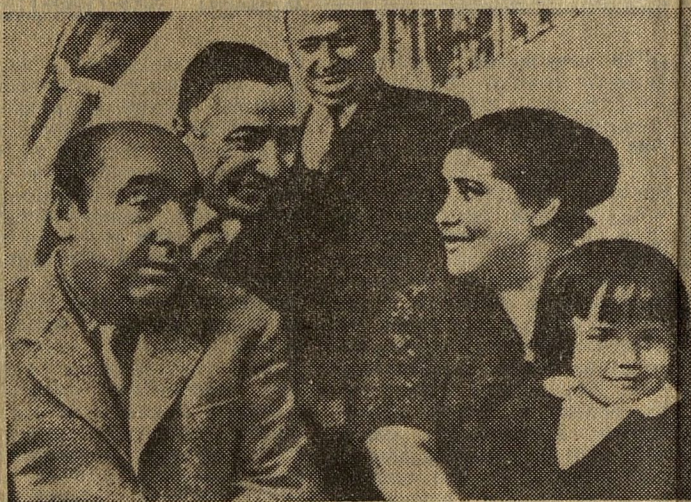
и снова на столе море, все — как прежде — наеку между волнами, наверно, так оно всегда и будет. Все так и будет, лишь я —

невидимка — однажды уже не смогу вернуться, когда мои руки, ноги, глаза и разум увязнут в истинной мгле.

Перевод П. ГРУШКО.

Мария Виктория КОРВАЛАН:

«ПАБЛО НЕРУДА НЕ УМИРАЕТ!»

У меня на родине дети называют взрослых людей «великими». В этом году, объявленном Международным годом ребенка, исполняется 75 лет со дня рождения Пабло Неруды, этого поистине великого мастера пера. Накануне этого события я обратилась к одной чилийской девушке и попросила ее поделиться с читателями «Советской культуры» воспоминаниями о Неруде, о «дяде Пабло», как она его называет. Эта девушка — Мария Виктория Корвалан, дочь генерального секретаря Компартии Чили Луиса Корвалана, которого долгие годы связывали с Пабло Нерудой тесные узы дружбы. Я записала ее рассказ.

Лихейя БАЛЪЯДАРЕС, чилийская писательница.

ти как на бога. Меня восхищало то, что он говорил, и то, как он говорил. Никто из других взрослых не разговаривал со мной так, как он. Разумеется, ему было не по душе, когда его беспокоили во время работы, но нередко, сочиняя стихи, он звал меня и спрашивал, нравятся ли они мне. Самое приятное из воспоминаний тех дней — поэма, которую дядя Пабло посвятил мне. Она осталась в Чили, но я знаю, что эти стихи не потерялись, их хранят. Название поэмы «Негритянка Пум-Пум»: так меня величали, когда я была маленькой. С ней дядя Пабло упоминает и о разбое, учиненном мною в его доме, но делает это в очень нежной форме.

И вообще он был человеком, который не оставил во мне ни одного плохого воспоминания. Даже когда рассердился из-за бабочек, он говорил со мной исключительно мягко. Спросил, зачем я это сделала, и когда услышал, что я просто играла, его гнев улетучился.

...Он часто рассказывал мне о самых разных вещах. Например о том, что очень любит ходить на рынки и ярмарки. Что когда приезжает в чужую страну, город, то обязательно отправляется туда и высматривает на лотках разные диковинные вещицы, на которые другие обычно не обращают внимания. Теперь-то я понимаю, что он нарочно выбирал такую манеру разговора и такие слова, чтобы я могла лучше понять его. То есть он просто подстраивался под меня, под мой образ мыслей и поступков.

Мы вместе играли на пляже, неподалеку от его дома. Вместе отправлялись на поиски агатов. С этими камешками связана другая забавная история. Когда я была маленькой, то вместо «агата» (агаты) говорила «гата» (что означает по-испански «кошки»), и всякий раз, принимая мое приглашение, дядя Пабло отвечал мне: «Будь по-твоему, негритянка

Пум-Пум, пошли искать «кошек» в песке». Он ни разу меня так и не поправил, и однажды я сказала отцу: «Смотри, папа, какую большую кошку подарил мне дядя Пабло». — «Как это большую кошку?» — удивился отец. Я разжала кулак и показала ему камешек. Он рассмеялся и сказал: «Так это же называется «агат», дочка...»

Когда дядя Пабло приходил к нам в гости, ему страшно нравилось разглядывать наших котят. Они водились у нас во множестве и были разные. Встречались, например, и такие, у которых один глаз был одного цвета, а второй — другого. Эта порода называется в Чили «нингуас». Дядя Пабло говорил, что в нашем доме поселилось и живет немало стихов, надо только уметь их разглядеть, а потом изложить. Эти стихи, говорил он, о котиках и курицах, которых держал мой отец и которые несли лазурные яйца.

Однажды он подарил отцу экземпляр своей книги «Птица Чили», и я прочитала ее в один присест в тот же самый день. Это была большая, очень красивая книга с цветными картинками. Я поняла там все, ибо речь шла о самых настоящих птицах, которые водятся в Чили, но когда я дошла до поэмы под названием «Птица Я», то очень удивилась. Начало там было следующим:

Птица Пабло — так зовусь я, птица однопера; я лечу по ясной тени и по ясности неясной...

Я пошла к нему и спросила, почему он так написал, ведь он же вовсе никакая не птица, а обыкновенный человек. Он объяснил, что птица здесь — это символ свободы, полета, а чувствовать себя поэтом — это все равно, что иметь крылья. Он сидел рядом со мной и долго рассказывал о своей поэме. Он всегда подробно объяснял мне суть вещей. Иногда

он был грустен, будто задумывался над чем-то, но и посмеяться умел, когда был повод, пусть даже самый незначительный. И еще он всегда находил для меня время.

Как-то раз в школе мне дали задание написать небольшую биографию Пабло Неруды, и он сам помог мне сделать эту работу. Он рассказал, как на лошади переправлялся через Анды, когда ему нужно было тайно покинуть Чили. Дядя Пабло дал мне книжку, где он запечатлен на фотографии вместе с Володей Тейтельбоймом, моими родителями и мной. Я взяла эту книжку в школу, прочитала там вслух его биографию и показала, переполняемая гордостью, фото, где я сижу рядом с великим поэтом...

Ему нравилось носить пончо, как и моему отцу, и иногда он очень смеялся над моими вопросами. К примеру, однажды я прочитала его стихи, которые назывались «О моем дурном воспитании». Там есть такие строчки:

Я что ни день кладу на стол не только ноги, но и локти, да что там локти — потроха, и душу, и ружье, и лиру.

Он разразился смехом, когда я спросила, а красиво ли так вести себя за столом.

Я была еще в Чили, когда он умер. В день его похорон мы не могли выйти на улицу: нас искали фашисты. Боль, которую я испытала в тот день, до сих пор в моем сердце. После переворота, когда уже прошло довольно много времени, мы — тетя Матильда (вдова Пабло Неруды), моя мать и я — отправились на Центральное кладбище Сантьяго, на могилу дяди Пабло. В нише надгробия мы увидели два венка. На одном была надпись: «От твоей партии», на другом — «От твоей молодежи». А на стенке я прочла слова, написанные от руки: «Пабло не умирает», «Ты не умрешь никогда». Мы с матерью положили на могилу свои венки.

Когда он умер, я поняла, что потеряла большого друга, потому что мы и в самом деле, несмотря на разницу в возрасте, были друзьями. Мне хотелось бы верить, что он жив, что мы вновь встретимся с ним. Теперь, когда я подросла, я могла бы рассказать ему о стольких вещах! Он очень многому научил меня. Научил, к примеру, читать стихи, что очень помогло мне в жизни. Если бы я смогла его увидеть, я бы поблагодарила его за все это, за все, чему он меня научил: я сказала бы ему, что уже выросла и не стану больше учинять разбой в его доме... Но его нет, и, вспоминая дядю Пабло, я испытываю одновременно и боль, и гордость. Боль оттого, что его нет с нами, а гордость оттого, что имела честь знать его и быть его другом...

● Пабло Неруда с Л. Корваланом, В. Тейтельбоймом, женой Л. Корвалана — Лили и его дочерью Марией Викторией, 1966 г.

Фото из личного архива Л. Корвалана.